

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 43 (1154) Суббота, 13 октября 1945 г. Цена 45 коп.

1 стр. Указ Президиума Верховного Совета СССР об утверждении «Положения о выборах в Верховный Совет СССР».

По Советской стране. Письма Соломона Додашвили. Составления акынов. Литература города-героя. Информационная. Трехлетний план Гослитиздата. Новые работы ленинградских учених.

2 стр. Сто лет со дня смерти Николая Бараташвили. Шалава Даданини. Во имя жизни. Геронтий Кигодзе. Великий грузинский поэт. С. Шервинский. Сердце и долг. Симон Чиковани. Николаю Бараташвили (стихи). Николай Бараташвили. Моим друзьям. Кетевана (стихи).

3 стр. Б. Эйхенбаум. Надо договориться. А. Колосков. О взглядах Маяковского на искусство. В. Стамбулов. Горький смех.

4 стр. Го Мо-жо. Китайские писатели за годы войны. Джон Б. Притсли. Краткие заметки об английской литературе. Ольга Берггольц. Будущие книги. Информационная. В Союзе советских писателей СССР.

«Черная книга». В художественном совете по театру и драматургии. В несколько строк.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Об утверждении «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Утвердить «Положение о выборах в Верховный Совет СССР».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 11 октября 1945 г.

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Указ о проведении 10 февраля 1946 года выборов в Верховный Совет СССР и «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» — документы громадного политического значения. Они ярко свидетельствуют о неиссякаемой жизненной силе советской демократии, ее последовательности, ее полноты народности, они говорят о морально-политической мощи советского общества, его монолитном единстве.

В суровые годы войны, когда все силы нашего народа были сосредоточены на задаче разгрома врага, выборы естественно откладывались. Теперь же, когда Великая Отечественная война победоносно завершилась и советское государство вступило в период мирного развития, нет больше необходимости для дальнейших отсрочек выборов.

В центре деятельности советского государства становится ныне возрождение хозяйства, пострадавшего от войны, дальнейшее продвижение на путях культурного и экономического процветания. Страна приступает к разработке четвертого пятилетнего плана. В этих условиях советский народ избирает новый состав Верховного органа СССР, который поведет нашу родину вперед, к новым успехам социализма.

С тех пор как был избран Верховный Совет СССР первого созыва, прошло восемь лет. Выборы проводились в соответствии с Конституцией СССР, которую товарищ Сталин назвал «единственной в мире до конца демократической конституцией». Народ отдал тогда свой голос лучшим сынам родины. Народ желал видеть свою страну и вперед могущественной, культурной и свободной социалистической державой. И он проявил величайшее единство, голосуя за партию большевиков, за кандидата блока коммунистов и беспартийных. И народ не ошибся в своем выборе. Восемь трудных лет нынешний состав высшего органа власти во главе с первым депутатом советского народа товарищем Сталиным уверенно управлял нашим государством в условиях сложнейшей международной и военной обстановки.

Вся деятельность Верховного Совета СССР первого созыва была глубоко пронизана сталинскими идеями о развитии и укреплении социалистического государства, его демократических основах, его экономикой, его вооруженных сил, выражала насущные практические потребности и чаяния народа. Именно все это помогло высшему органу нашей родной советской власти в грозный час вероломного нападения гитлеровской Германии собрать воодлевно все силы и ресурсы советской страны для успешного ведения войны и полной победы над фашистскими захватчиками.

Война являлась жестоким испытанием для всего нашего государства. И это испытание было выдержано с честью. «Советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время» (И. Сталин). В огне войны советская система доказала свою непреодолимую силу. Сталинская Конституция — славное знамя свободы, демократии и братства народов — обдичила под своей сенью советских людей, вдохновила их на героические подвиги, каких не знало до этого мир. Придала нашим людям геркулесовы силы. Наш народ не мысля себе жизни без советской власти, без Сталинской Конституции — великой хартии завоеваний социализма. И потому он шел в бой с одним желанием — отстоять советскую демократию, спасти честь и свободу родины, сокрушить врага. И потому советский человек, воспитанный на идеях социалистической демократии, вышел под знаменем в битве с самым коварным и злоеющим врагом свободного человечества.

Отдаваясь на путь, пройденный за последние восемь лет нашим государством, каждый сын советской отчины с гордостью скажет: это был путь, полный суровых испытаний, изумительных подвигов и многогощественных побед всемирно-исторического значения. Нам впереди партия большевиков — руководящая и направляющая сила советского государства. Нам освещает дорогу бесмертным идеям Ленина — Сталина, идеям большевизма.

Наши депутаты честно выполняли завет товарища Сталина следовать примеру великого Ленина и оправдать доверие народа. В самые трудные дни великой освободительной борьбы избранники народа неизменно находились на боевом посту, и мы горды тем, что в их числе были и лучшие представители советской литературы. Вместе с народом сражались они на фронте, помогали громить врага правдивым художественным словом.

Советский народ идет к новым историческим взлетам, еще теснее сплотившись вокруг партии Ленина — Сталина, до конца преданый принципам социалистического демократизма, духом которого пронизана каждая строка утвержденного Президиумом Верховного Совета СССР избирательного закона советского государства. «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» ясно и четко формулирует неизменные устои советского избирательного права. Оно обеспечивает каждому гражданину СССР возможность избирать и быть избранным независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, происхождения, образования, социального положения, имущественного и политического положения, и прошлой деятельности. На равных правах с мужчинами участвуют в выборах женщины. Борцы и офицеры Красной Армии пользуются таким же избирательным правом, как и все остальные граждане СССР. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, о котором народы могут только мечтать, является нерушимой основой советского избирательного закона.

Порядок подготовки и проведения выборов — составление списков избирателей, создание избирательных округов и участков, формирование избирательных комиссий, выставление кандидатов, голосование, определение результатов выборов — базируются на широких демократических началах и направлено к тому, чтобы каждый советский гражданин мог свободно выразить свою волю, чтобы максимальное число советских граждан активно участвовало в выборах, чтобы народ послал в новый состав Верховного Совета СССР своих достойнейших сынов.

Оправданы знаменательные слова товарища Сталина о том, что советское государство выйдет из войны сильным и еще более окрепшим. Знамя Сталинской Конституции гордо реет над нашей отчиной. Идеи советской демократии еще глубже проникли в сознание широких народных масс. Эти идеи диктуют миллионам советских патриотов в победоносных битвах. Творческая сила советских людей также ярко сказывается в эпоху мирной деятельности. На другой день после величайшего военного напряжения рабочие, крестьяне, интеллигенция нашей страны самоотверженно принимали зачеты, рапы, насенные войны. Сколько выдающихся подвигов и славных трудовых дел уже совершено за короткий послевойенный период! Сколько замечательных организаторов, больших и малых государственных деятелей выдвинулось за последние годы!

Мы видим неоспоримое свидетельство того безграничного доверия миллионов людей к советской власти, с которой они сроднились и связали свою судьбу. Именно это выхолок понимание идей социалистической демократии, одухотворенная и нерушимая верность народа советской власти, коммунистической партии, любовь к творцу и вождю советского государства товарищу Сталину будут продвигать вперед на предстоящих выборах в Верховный Совет СССР. Эти выборы будут новой победой славной советской демократии.

ПЕЧАТЬ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На выставке в Публичной библиотеке им. Ленина

Восемнадцатая публичная библиотека им. Ленина открыла выставку, посвященную печати Советского Союза в годы Великой Отечественной войны.

На выставке представлено около трех тысяч экземпляров — все виды книжной и периодической печати за 1941—45 гг.

Основные разделы выставки — «Ленин и Сталин о защите социалистического Отечества», «Сталин привел нас к победе», «Партия Ленина — Сталина — вдохновитель и организатор побед советского народа против немецко-фашистских захватчиков», «Боевой путь Красной Армии и Военно-Морского Флота», «Работа тыла в помощь фронту», «Культурная жизнь страны в годы войны».

Осмотр выставки начинается с вводных плакатов и оков ТАСС, показывающих завершающие удары Красной Армии и встречей бойцов фронта с работниками тыла.

Подобраны юбилейные издания Академии наук, труды академиков, Героев Социалистического Труда Н. Бурденко, М. Павлова, А. Беха, Н. Зелинского и др.

Обширные томы и тоненькие брошюры рисуют богатую картину открытий и достижений в области медицины, сельского хозяйства, военного искусства и пр. Художественная литература и искусство представлены в образцах различных изданий. Только за 1941—45 гг. художественная литература издана тиражом в 218.014.000 экз. в количестве 8.299 названий.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ПИСЬМА СОЛОМОНА ДОДАШВИЛИ

ТВИЛИСИ. (От наш. корр.). В очередном выпуске серии «Материалы по истории Грузии и Кавказа», издаваемой Институтом истории им. акад. И. Джавахидшвили Академии наук Грузинской ССР, помещены «Письма Соломона Додашвили» со вступительной статьей и примечаниями С. Худиншвили. Датированные 1825—1832 гг. письма эти освещают грузинскую общественную жизнь тех лет. В атмосфере 30-х годов формировался талант Николая Бараташвили, и письма С. Додашвили могут служить полезным материалом для изучения жизни и творчества великого грузинского поэта.

С. Додашвили — общественный деятель, философ, педагог, журналист и литератор. Он написал «Курс философии», изданный в Петербурге А. Ф. Смирдяным в 1828 г.

С. Додашвили в Петербурге встречался с передовыми деятелями из революционно-демократического лагеря. Вернувшись на родину, он преподавал грузинскую словесность в классической гимназии, где в то время учился Николай Бараташвили. С. Додашвили — один из вдохновителей заговора 1832 года. Заговор был раскрыт. Додашвили, поэты Александр Чавадзе, Григорий Орбелиани, Вахтанг Орбелиани, Георгий Эрнетиани и другие участники заговора были арестованы и сосланы в отдаленные губернии России. С. Додашвили жил в Вятке, где тогда отбывал свою первую ссылку Гершен. С. Додашвили и А. Гершен вместе работали в канцелярии губернатора Тюфяева. С. Додашвили умер в Вятке в 1836 году.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ЭСТОНИИ

В Союзе советских писателей ЭССР состоялось совещание, посвященное разбору сборников стихов четырех молодых эстонских поэтов: Деборы Вааради, Айры Каал, Ралфа Парве и Минни Нурме. Докладчик — писатель Пауль Видинг отметил богатство тем, характернейшее работ этих поэтов, и своеобразие их творческого лица. В обсуждении творчества молодых поэтов приняли участие тт. Андресен, Ургарт, Семпер, Алле, Сирге, Нурме.

СОСТАЯНИЯ АКЫНОВ

АЛМА-АТА. (От наш. корр.). Осенью этого года приобрела широкую известность в республике своеобразная культура эстонских казахских акынов — Кульжабай и Шаймердана. Оба акына выступают в Сузакском районе Южно-Казахстанской области.

Еще весной, развезя по районным колхозам, вынка в быт и хозяйственные дела, проверяя выполнение колхозниками обязательств, Кульжабай и Шаймердан объявляли свои «айты» (древняя форма поэтической спортивной борьбы). Составлял друг с другом, они в стихотворной форме рассказывали колхозникам о том, как работают животноводческие фермы, полевые рабочие и т. д. Кульжабай и Шаймердан, проводя айты, через несколько дней снова возвращались, чтобы в стихотворной форме оценить, как идут дела колхоза. Кульжабай и Шаймердан — два неразлучных друга — уже по два раза побывали во всех колхозах Сузакского района.

Образуются другие пары импровизаторов. Древняя форма поэтических состязаний получает совершенно новое применение.

НОВЫЕ ФИЛЬМЫ

В Тбилисской киностудии идут съемки фильма «Лавди Гурамицвали», посвященного памяти великого грузинского поэта, борющегося за дружбу с русским народом. Сценарий фильма написан поэтом С. Чиковани и В. Орловым. Съемочная группа режиссеров Н. Самова и И. Туманова вернулась из Ленинграда, где снимались эпизоды, происходящие при дворе русской царицы Анны Иоанновны.

Новый полнометражный мультимедийный фильм «Пропавшая грамота» по повести Гоголя принят Художественным советом Комитета по делам кинематографии. Сценарий фильма написали В. и З. Грumber и З. Калма. Постановка режиссеров В. и З. Грumber. Музыка композитора А. Васильева.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА ЛИТВЫ

ВИЛЬНИУС. (От наш. корр.). До сих пор единственным членом литовской периодической печати в Советской Литве был журнал «Пегле» («Победа»). В скором времени в Вильнюсе начнет выходить ежедневная газета «Литуратура и искусство».

ТРЕХЛЕТНИЙ ПЛАН ГОСЛИТИЗДАТА

Редакционный совет Гослитиздата в соответствии с на-днях принятым обобщающим проектом трехлетнего плана изданий русской классической литературы, литературы народов СССР и иностранной, совет утвердил проект тематического плана на 1946 год и одобрил план издания полного собрания сочинений Алексея Толстого.

В 1946 году выпускается вдвое больше книг, чем в 1945, а в дальнейшем с каждым годом количество выпускаемой литературы будет последовательно возрастать на 30%.

Основное место в плане занимают многочисленные собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Белинского, Тургенева, Островского, Флорава, Стендаля, Балзака, Франса, Мери, Гете, Вальтер-Скотта, Теккерея и др. собрания сочинений современных писателей — Шолохова, А. Толстого, Серфимовича, Вересаева, Шшикова, Гладкова и односторонних классиков и крупнейших советских писателей.

Намечены к изданию новые серии: «Библиотека русского романа» (102 названия), «Библиотека русской поэзии» (80 названий), серия мемуарной литературы, «Библиотека иностранного исторического романа», серия «Роман приключений» (Дюма, Конан-Дойль, Купер, Лондон, Узле и др.). Массовыми тиражами будет выпущено 150 книг по русской и иностранной литературе и литературам народов СССР.

Обширен раздел фольклора: «Русские сказки» Афанасьева (3 тома), «Русские песни», собрание П. Киреевским, сибирский эпос, болгарские, словацкие, македонские сказки и т. д.

Ряд изданий выйдет в художественном оформлении, в том числе «Слово о полку Игореве», киргизский эпос «Манас», «Литовские сказки», замечательный памятник грузинской литературы «Амриани», «Снегурочка» Островского с иллюстрациями Ю. Васнецова, «Мертвые души» с иллюстрациями Петра Соколова, «Тарас Бульба», «Дама с собачкой», «Петр I» и др.

После сообщения о трехлетнем плане издания русской классики (докладчик Н. Во-

ЛИТЕРАТУРА ГОРОДА-ГЕРОЯ

СТАЛИНГРАД. (От наш. корр.). Обостренное книгоиздательство возобновило работу в Сталинграде с первых дней его освобождения. Собственно говоря, работа не прекращалась даже тогда, когда город был осажден противником. Выпускала специальную литературу, остро необходимую во фронтовой обстановке, работники издательства одновременно рыли окопы, строили противотанковые рвы и бомбоубежища, участвовали в противовоздушной обороне.

25 августа 1942 г. работники Сталинградского книгоиздательства покинули пылающий город. Они ушли с сумками за плечами к волжской переправе. В Астрахани они выпустили первый сборник «Героический Сталинград». В этой обшестной книге (18 печ. л.) были собраны очерки и рассказы, стихи и документы, посвященные обороне героического города. В Астрахани же был выпущен сборник «Листочки Сталинградской областной партийной организации 1942—1943 гг.».

Возвратившись в родные места, сталинградские патриоты приняли энергично восстанавливать город. Во время трехдневного совещания председателей первсовхозов, посвященного восстановлению сельского хозяйства, промышленности, культуры и искусства разоренной Сталинградской области, и stenogramм совещания, изданные Сталинградским издательством, были встречены с большим интересом.

Наиболее активными авторами издательства являются, естественно, сами сталинградцы и среди них бывший руководитель Сталинградского Комитета обороны А. Чурьяев. Его очерки и статьи помещены в трех сборниках «Героический Сталинград», ему принадлежит брошюра «Зверства немцев в Алексеевском лагере для военнопленных» и книжка «Волышевыки города-героя».

Выпуск третьего сборника «Героический Сталинград» приурочивается к третьей годовщине освобождения Сталинграда (2 февраля 1946 г.).

Интересен выпущенный издательством сборник «Комсомольцы в боях за родной город» (очерки и документы).

Специальная брошюра «Черкасовцы» рассказывает о большом общественном движении сталинградцев по восстановлению родного города.

В числе книг местных писателей — сборник очерков М. Лобачева «Моя страна». Автор заканчивает сейчас для издательства первую книгу романа, посвященного Сталинграду.

В печати находится сборник стихов Л. Проскуриной «Суровые годы» — о днях обороны и восстановления Сталинграда. Егорке вылетел сборник очерков Коротея «На сталинградской земле». Автор-сталинградец был во время обороны города военным корреспондентом.

Издательство перепечатало книгу В. Гроссмана «Сталинград» и выпускает в ближайшее время «Непокоренные» Б. Горбатова.

Печатается работа кандидата исторических наук В. Горбуновой — «Рабочие Царицына на защите родного города в 1918 году».

Наиболее трудное для Сталинградского издательства время осталось позади. Но издательство продолжает работать в далеко не благоприятных условиях. Полиграфическая база в Сталинграде чрезвычайно бедна. Поэтому издательство печатает свои книги в Саратове, Астрахани, Краснодаре, Ростове-на-Дону.

КНИГИ В АДЖАРИИ

Госиздат Аджарии выпустил два сборника стихов поэта П. Руруа для детей — «Солнце и цветы» и «Облачки», сборник рассказов и очерков писателя П. Лурия — «Геройство и дружба», литературный альманах «Дяфион». Изданы сборник стихов молодого поэта Г. Салукадзе и сборник стихов для детей Н. Малазоня — «Наши цветы».

В печати книги: научного работника Аджарского краеведческого института Х. Ахведиани «Аджария в борьбе против иноземных захватчиков» и сборник стихов П. Руруа «О Великой Отечественной войне».

50-ЛЕТИЕ ВАЛДИСА ГРЕВНИША

РИГА. Исполнилось 50 лет со дня рождения и 30 лет творческой деятельности латвийского поэта, драматурга и переводчика Валдиса Гревниша.

Валдис Гревниш совместно с Райнисом, Розитом и Смильсом был в свое время одним из организаторов Общества культурной связи с народами СССР.

В годы урманшювской диктатуры Гревниш писал под псевдонимом «д-р Ориентаций» острые сатиры. Избранные произведения Гревниша с предисловием народнопоисателя Латвии Андрея Упитса выйдут в этом году в издательстве ВАППа. Готовятся к печати две книжки Гревниша для детей.

Валдис Гревниш сейчас работает в Латвийском художественном театре. Он написал две пьесы — «Солдат из Плевны» и «Вертопрах». Кроме этого, им инсценировано несколько классических произведений — «Принц и нищий» и «Том Совер» Марка Твена. «Ово» Войнич и другие.

Валдис Гревниш работает также и над переводами. Он перевел на латвийский язык «Войну и мир» и «Анну Каренину» Л. Толстого, «Пиковую даму» А. Пушкина, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Цусима» Новикова-Прибоя, «Азбуку» А. Толстого, «Льбовья Яроу» К. Тренева.

ПОСТАНОВКА «ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

КИЕВ. (От наш. корр.). Коллектив Харьковского драматического театра им. Шевченко закончил работу над постановкой драматической поэмы Ивана Кочерги «Ярослав Мудрый». Пьеса идет в постановке народного артиста СССР М. Крушелинского. Роль Ярослава Мудрого исполняет народный артист СССР И. Марьяненко. Музыка к пьесе написал заслуженный деятель искусств УССР К. Давычев.

Драматическую поэму «Ярослав Мудрый» принял к постановке также театр им. Фриды в Киеве. Львовский театр им. М. Заньковецкой, Черновицкий музыкально-драматический и Запорожский театры.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ МАРИИЦЕВ

ПОШКАР-ОЛА. (От наш. корр.). Марийское Государственное издательство в сентябре 1945 года выпустило несколько книг марийских писателей. Сборник марийских народных сказок составил А. Тудоровская и С. Эман. Книга предназначена для широкого круга русских читателей, не знакомых с марийским фольклором.

Вышла «Поэтика марийских песен». Эта книга была написана еще в начале 1941 года покойным марийским фольклористом В. Бердниковым. Она дает широкое описание типов марийских песен и их классификацию. А. Тудоровская дополнила труд В. Бердникова исследованием о рифме и ритме марийских песен.

В ЗАОНЕЖНОМ КРАЕ

ПЕТРОВЗАВОДСК. В далеком Заонежском крае, в Космосере имеется сельская территориальная комсомольская организация. Недавно местные комсомольцы организовали литературный кружок. Они провели несколько вечеров, посвященных творчеству Пушкина, Чехова и других классиков. В Космосере специальный вечер был посвящен лекции на тему: «Книга — мой друг и советник. Молодежь Великой Губы готовится к вечеру, посвященному образу Лизы Чайкиной в литературе».

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ СРЕДЫ»

Редакция газеты Московского военного округа «Красный воин» регулярно проводит «Литературные среды», на которых писатели столицы встречаются с читателями и военками. Первая «Литературная среда» была посвящена творчеству Степана Шипачева. Поэт ознакомил присутствующих с циклом своих новых лирических стихов, прочитал поэму «Домик в Шушенском», рассказал о будущих планах работы над своими произведениями.

Интересно прошла «среда», на которой выступал В. Соловьев, прочитавший отрывки из своей новой песни, посвященной Великой Отечественной войне.

На редакционных «средах» выступали П. Антокольский, А. Жаров, А. Софронюв, С. Смирнов, В. Ласкин и другие.

На очередной «среде» 10 октября М. Светлов прочел отрывки из пьесы «Врандэнбургские ворота» и стихотворения М. Крушелинского, рассказал о своих впечатлениях от поездки по Европе. Композитор Блиатнер ознакомил слушателей с песнями на тексты Исаковского, Симонова и др.

Новые работы ленинградских ученых

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В «Литературной газете» уже сообщалось, что Институт литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) готовит «Бориса Степана и материал» о влиянии русской литературы на литературу Западной и Восточной Европы. В беседе с нашим корреспондентом редактор-сборника проф. М. Алексеев сообщил следующее:

— Наше искусствоведение и литературоведение все еще находится в долгу перед русским искусством и литературой. Мало у нас работ, раскрывающих влияние русской культуры на литературу и искусство Западной Европы, Америки, стран Востока.

Русская литература была примечательна в Западной Европе в богатых и златые века. Русская литература в Европе. Поистине всемирно славные достигли Пушкин, Тургенев, Толстой, Достоевский, а затем Чехов и Горький. Международная популярность русской литературы особо возрастает в конце XIX века, но никак не следует забывать, что этот продолжительный по сей день период громкой и действительно мировой славы русской культуры имеет свою предисторию, корни которой уходят далеко влуглуб за пределы XIX века. Уже европейский «просветительский» XVIII век отличился полным всемирным значением русской литературы, и произведения русского искусства уже в ту пору привлекли к себе пристальное внимание европейских ученых. На Западе в середине XVIII века были известны многие русские писатели, переводились, издавались, например, Кантемир и Сумароков, а стихотворения Ломоносова, как мы знаем, в 80-х годах XVIII века вызвали подражание во Франции. Полезно вспомнить, наконец, о всемирно-историческом значении «Слова о полку Игореве» и древнейших памятников киевской и новгородской архитектуры.

Ряд ленинградских ученых уже давно разрабатывает вопросы, связанные с раскрытием и судьбой русской литературы на Западе и Востоке, Сошлемся хотя бы на курс «Русская литература на Западе», который читался на филологическом факультете Ленинградского университета, начиная с 1937 года. В издании Академии наук и университета вышел ряд научных работ, посвященных исследованию влияния русской литературы на западные и американские литературы. По отношению к Востоку подобная же работа велась в Институте востоковедения. Во время Великой Отечественной войны, наряду с боевым содержанием союзников, укреплялись и культурные связи Советского Союза с демократическими странами Европы и Америки.

Общепризнанна величайшая роль советского народа в спасении мировой цивилизации от фашистского варварства. Тем самым еще раз с новой силой подтверждено всемирное значение нашей культуры. Естественно, что изучение международного влияния русской литературы и искусства становится особенно актуальным.

— В 1945 году — продолжает М. Алексеев — Институт русской литературы Академии наук СССР провел в Ленинграде несколько научных сессий, посвященных отдельным вопросам этой большой проблемы. Результаты наших сессий — подготовка первого из задуманных нами сборников статей и материалов под названием «Русская литература на Западе и Востоке».

Сборник откроется статьей М. Алексеева «Русские классики и литература англо-романского мира». Далее намечена статья Ф. Прийма — «Толстой и французский роман». Среди других научно-исследовательских работ отметим статью Е. Бобровой «Русская литература в Италии», статью К. Джерванина «Русская литература в Испании», А. Григорьева «Чехов и литературное движение на Западе» и, наконец, работы акад. И. Крачковский «Русская литература в арабских странах» и акад. В. Алексеева «Евгений Онегин в китайских переводах». В сборник включаются созданные Институтом востоковедения и отредктированные покойным членом корреспондентом Академии наук СССР С. Валухиным библиография «Горький и Восток». Помимо исследовательского отдела, в сборнике будет напечатан ряд статей и материалов, затрагивающих темы: «Русский фольклор в Англии» и «А. Франс и русская литература» и т. д.

Появившиеся в печати сообщения о подготовке к изданию сборника «Русская литература на Западе и Востоке» — указывает проф. Алексеев, — нашли живой отклик в кругах зарубежных ученых. Институт русской литературы получил уже ряд запросов об этой книге.

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Государственная Ордена Трудового Красного знамени Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина выпустила в свет новую работу К. Муратовой и Е. Приваловой «Мировое значение русской литературы и русского искусства» (указатель литературы).

В первой части брошюры, озаглавленной «Русское искусство и литература в оценке Запада и Америки», собраны наиболее существенные высказывания многих зарубежных писателей и композиторов о русской литературе и музыке. Второй раздел брошюры дает новую библиографическую работу, посвященную анализу роли и влияния русской культуры в Европе и Америке. В конце брошюры приведены краткая хронологическая канва, в которой перечисляются основные даты, показывающие пути освоения русской культуры Западом, Америкой и Востоком.

Несмотря на то, что авторы брошюры ограничили себя в хронологическом отношении, приводя данные, относящиеся главным образом к XIX веку, выпущенный Публичной библиотекой справочник, как указывает в предисловии проф. М. Алексеев, «будет интересен для всякого, кому дорог русская литература».

«От Сталинграда до Вены»

Так назван литературный альманах, посвященный войскам 3-го Украинского фронта, прошедшим тысячекilометровый марш от Сталинграда до Вены.

В книгу вошли очерки, рассказы, заметки очевидцев, участников боя. Среди авторов — писатели-профессионалы и командиры частей и соединений, повествующие о подвиге и буднях воинов 3-го Украинского фронта.

В альманахе мы встречаем имена К. Симонова, Б. Горбатова, С. Михалкова, Л. Первоговского, П. Усенко, Е. Долматовского, Мустай Карима, П. Паляненко, А. Лесады, И. Гончаренко, А. Черненко.

Книга составлена и издана украинским издательством «Радянський письменник». Ответственный редактор книги генерал-лейтенант И. Аношин, литературная редакция — А. Черненко, И. Ле, А. Лесада.

Николай БАРАТАШВИЛИ
Моим друзьям

Ноши, доколь над вами летят
И любовь стирает с сердца
огорченный след,
Пусть судьба разит ударом
Молодым не подobaет плакать в три ручья!

Тот, кто молод, жизни резов радости
Не страшится загореться пламенем любви!
Если старец молодится, людям малок он,
Отрок, старцу подражая, — менее ль смешон?

Прав, кто дружит с жизнью с самого
утра,
Лучший дар ему приносит каждая пора.
День настанет: слово страсти на устах
умрет,
И нагрузит мир мгновений тысячу забот.

Сменит утреннюю негу зной полдненных
стрел,
Лживый мир предопределят и любви удачу.
Лишь один совет помните: — помните его:
— О, друзья, то горький опыт сердца
моего, —

Бойтесь ветренниа чужаки! Заняты собой,
Нам они пленят времена жизнию игрой.
Их любовиюн бужуа забавляет речь,
Но любви ей не под силу в сердце их
замечать.

еба цвет, синий цвет,
Первозданнй мой цвет.
Я любя в детских лет
Цвет нездешний тайкой.

Пусть теперь в дар годам
Кровь не та для тревог,
Цвет иной — клату дам —
Полобить бы не смог.

И прекрасный в очах
Я люблю неба цвет,
Как сошедши в лучах
Самый нежный прилет.

А завестая в небо
Мечта позовет, —
Я истаю в любви
Синеветных высот.

Я уму — я милах глаз
Мне в слезах не видать, —
Но взамен небо даст
Мне росы благодать.

Пусть над прахом моим
Льмя туман вознеси,
Слово жертвеннй дым
К небу синему ои!

Шальва ДАДИАНИ
ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Имя Николая Бараташвили — одно из тех славных имен, которое с особым благоговением проносится каждый грамотный грузин.

В начале XIX века, до того как начал писать Бараташвили, в грузинской поэзии сильно было влияние арабской и иранской эротической поэзии и даже такой аркий талант, как Александр Чавчавадзе (1786—1846), по остроумному замечанию грузинского критика Г. Кикодзе, колебался между иранской и французской ориентацией в поэзии, и «наряду с Вольтером и Пушкиным вдохновлялся Саади и Гяфизом».

Бараташвили с самого начала своей кратковременной творческой жизни (он умер двадцати девяти лет) воспринял форму и идейную направленность европейской поэзии первой половины прошлого века, так называемой поэзии «вирной скорби». Целодневное время провела Бараташвили в кругу друзей новой грузинской поэзии, поэзии мятежной, страстной, вдохновляющейся общечеловеческими идеалами.

И действительно, Бараташвили в своих шедеврах «Раздумье на берегу Куры», «Элой гений» и, в особенности, в «Мерани» возвышается до титанической поэзии Байрона и Лермонтова.

Бараташвили часто сравнивают с этими великими поэтами, но это ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что он был их эпигоном.

Геронтий КИКОДЗЕ

Николай Бараташвили происходил из знатного рода, сыгравшего значительную роль в истории Грузии. Его отец, довольно хорошо владевший не только кавказскими языками, но и русским, служил чиновником при Ермолове и Паскевиче, а после выхода в отставку часто избирался преподавателем дружества.

Мать Н. Бараташвили любимая сестра известного поэта и государственного деятеля Григория Орбелиани, была хорошо знакома с грузинской литературой и давала сыну первые уроки грамоты.

С десятилетнего возраста Н. Бараташвили учился в тбилисском благородном училище. Одним из его преподавателей был Соломон Додашвили, широко образованный молодой ученый, автор курса логики, написанного на русском языке, принявший участие в заговоре 1832 года и погибший впоследствии в ссылке.

Интерес к литературе Н. Бараташвили проявил еще в училище: в русском рукописном журнале он поместил перевод отрывка из грузинского прозаического варианта романа Фахр-Эддина Гурганского «Вис и Рамин» («Висрамини») и статью «О возвышении и падении папской власти».

В училище во время игры Н. Бараташвили повредил ногу и принужден был отказаться от мечты о военной карьере. Несчастный случай оказал сильное влияние на всю его дальнейшую жизнь и стал одной из причин углубившейся наклонности к одиночеству человека, наделенного ироничным умом, но жизнерадостного и общительного от природы. Стесненное материальное положение не разрешило Бараташвили поехать в Россию заканчивать образование в университет: чтобы поддержать больного и жонкчательно разорившегося отца, он — в возрасте девятнадцати лет — поступил чиновником в высшее судебное учреждение на Кавказе.

В своей переписке он жалуется на умственную застой тогдашнего тбилисского общества, на «круг чиновников, который не выгоден для образования нравственности». Свободные от службы часы Бараташвили посвящает литературной работе.

В письме, адресованном Григорию Орбелиани, он, между прочим, пишет, что грузинская литература находит все новых любителей, что многие молодые люди, свободные от служебных обязанностей, способствуют культуре родного языка; в этом Бараташвили видит проявление духовной свободы молодого поколения. В другом письме он сообщает тому же адресату, что его друг Д. Кипиани перевел «Ромео и Джульетту» Шекспира, сам же он перевел «Юлия Тарентского» драматурга Лейбвица.

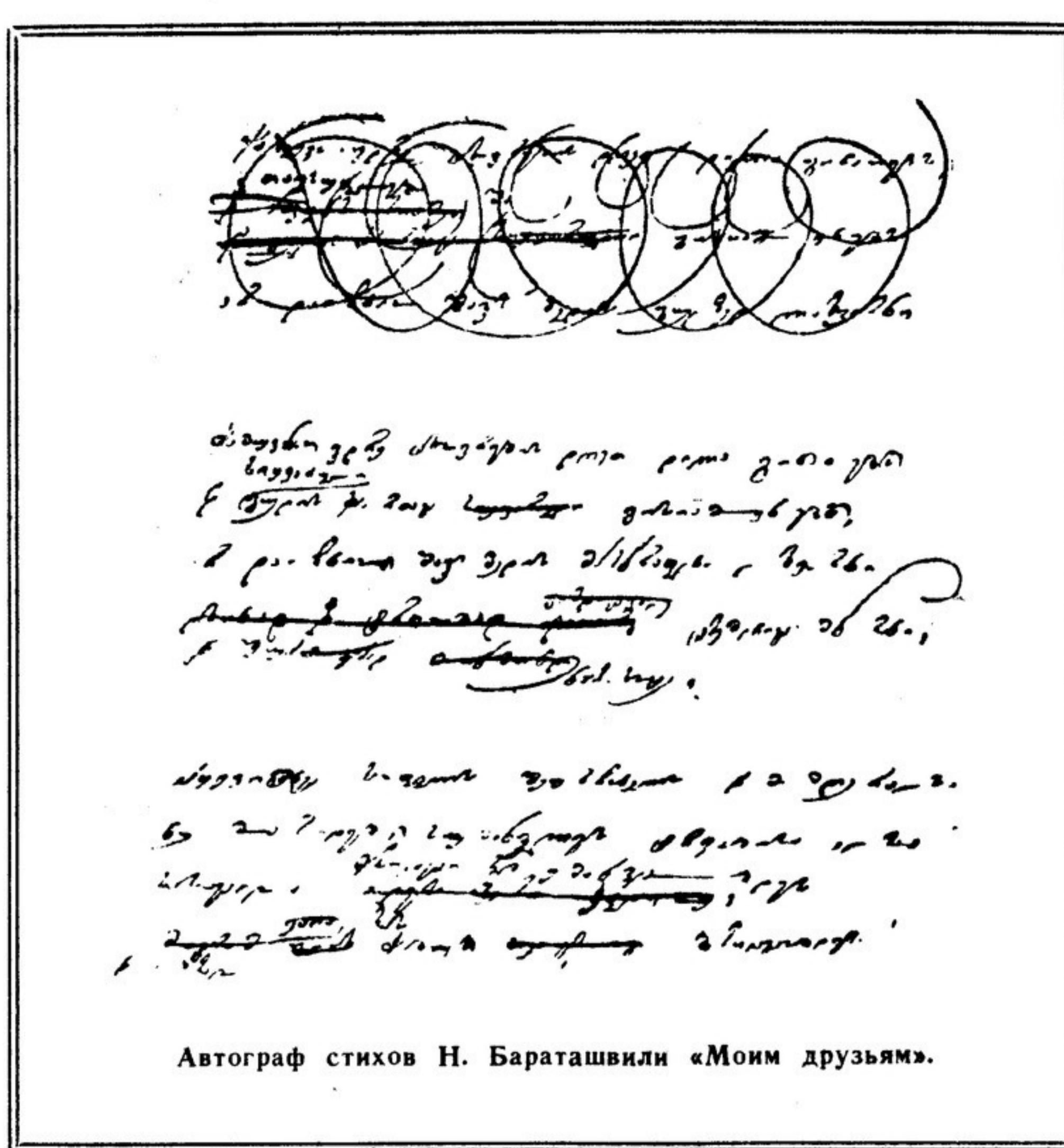
За год до смерти Н. Бараташвили был назначен помощником казначейского уездного начальника. На новой службе поэт проработал приблизительно полгода и много страдал от одиночества в чужой среде. Из Нахичевана он был переведен на ту же должность в Ганджу, где скоро заболел злокачественной малярией, от которой скончался 9(21) октября 1845 года. Его прах похоронен в Гандже.

Так как при жизни Н. Бараташвили ни одной его строки не было напечатано, а его стихи распространялись только в немногочисленных автографах и списках, в широких слоях общества его смерть прошла почти незамеченной. Только его друг Георгий Эривани позднее посвятил ему прощальные строки. Он же в своем журнале «Списарки» впервые напечатал несколько стихотворений Бараташвили.

Шестидесятилетие — во главе с Ильей Чавчавадзе — подвиги Бараташвили на этот обива себя его последователями. В середине семидесятых годов появился первый полный сборник произведений поэта, впоследствии часто переиздававшийся. Бараташвили стал одним из самых любимых и популярных поэтов грузинского народа. Перенесение его праха из Ганджи в Тбилиси на Дидубийское кладбище дало повод к грандиозной демонстрации. При советской власти останки поэта были перенесены на Мтацминду и похоронены в пантеоне грузинских писателей.

При первом, поверхностном знакомстве с творчеством Бараташвили может показаться, что в противоположность поэтам, чей голос раздается, как призывный набат, которые обращаются к очень широкой аудитории, — Бараташвили ведет интимный диалог с самим собою. Все эти строки о демонах-искусителях и злом духе, о жалобно стонущих расцеливах и порывающихся к небесной синеве душах, о рано разочаровавшемся и оставшемся сердце, о вырванных страстей и спокойной пристани, о разуренных алтарях и скачущем без дорог пегасе с первого взгляда кажутся данью литературной моде, отголоском западного и русского романтизма. На самом деле лирика Бараташвили — искренняя исповедь

ВЕЛИКИЙ ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ

Автограф стихов Н. Бараташвили «Моим друзьям».

страстной и мятежной души, выраженная в несколько патетической форме.

Будь Н. Бараташвили холодным насмешником или же замкнутым камерным поэтом, он никогда б не нашел такого, все усиливающегося резонанса в широких слоях общества.

Как будто все соединилось для того, чтобы Бараташвили уже в юношеском возрасте пережил разочарования и недовольство жизнью. Он рано познал контраст между материальным достатком и нуждой. Он вырос в патриархальной семье, и первые слова, которые прозвучали, были слова молитвы; но в средней школе, под руководством Додашвили и других педагогов, он познакомился с великими, изучившими из переводов западных авторов, в особенности французского происхождения, поэзии в продолжение веков и приведшие, наконец, к формалистическому жонглерству. Некоторые его лирические шедевры, особенно «Благодарение создателю, красавица чернокожая» или же «Бежит Арага быстроногий» (из «Судьбы Грузии»), по своему настроению и художественной форме близки к шедеврам иранской поэзии; в этом отношении его можно считать предшественником Рафаэля Эривани, А. Кертели и в особенности Важа Пшавела. Его рифмы не отличаются особенным богатством, но грузинское силлаботоническое стихосложение он — вместе с А. Чавчавадзе и Гр. Орбелиани — освободил от господства шестнадцатисложного шара и дал ему больше гибкости и разнообразия. Наконец, продолжив и расширив дело, начатое Давидом Гурамишвили, он своей философской лирикой опроверг предвзятую, что стихи ишутся или исключительно для выражения любовных восторгов и страданий или для улаживания спора пирующих.

Но Бараташвили, порывавший с наиболее устарелыми и выхолащенными пережитками предшествующей ему поэзии, является хранителем более устойчивых элементов литературного наследия. Его интерес к философским и этическим проблемам и своеобразно диалектический подход к их разрешению объясняются не только складом ума, но и влиянием вековых национальных традиций. Древнегреческая философия, в частности идеи Платона и Аристотеля, правда, не в первоначальном, а в измененном виде, в измененном виде, продолжали оказывать влияние на Н. Бараташвили и его современников, как они в предыдущие века — еще в большей степени — влияли на всю грузинскую культуру.

Читая его «Раздумье на берегу Куры», можно подумать, что слышишь отголоски мрачных сентенций Экзюпери. Жизнь — одна лишь тень, и суета суется, не имеет бытия — один лишь быстротечный миг. Но несмотря на это, человек должен выслушать голосу порождения его стихий, не превращаться в жирую

Мрак мой душевный не стинет напрасно,
В снах протоптаннй путь мой опасный,
Другу когда-нибудь жизнь обещает,
Смело за черной судьбой он погонит.

Перевел П. Антокольский.

Плодотворная реформаторская роль Бараташвили, его борьба за обновление грузинской поэзии, его западничество особенно ярко проявились в области любовной лирики. Он решительно порвал с метафорическим языком предшествовавших поколений, находившихся в плену, с одной стороны, у Руставели, а с другой — у персидской эротической лирики. Он совершенно изгнал из употребления так называемую маджму, т. е. рифмы, построенные на омонимам, мало соответствующие духу грузинского стихосложения, но господствовавшие под влиянием персидской поэзии в продолжение веков и приведшие, наконец, к формалистическому жонглерству. Некоторые его лирические шедевры, особенно «Благодарение создателю, красавица чернокожая» или же «Бежит Арага быстроногий» (из «Судьбы Грузии»), по своему настроению и художественной форме близки к шедеврам иранской поэзии; в этом отношении его можно считать предшественником Рафаэля Эривани, А. Кертели и в особенности Важа Пшавела. Его рифмы не отличаются особенным богатством, но грузинское силлаботоническое стихосложение он — вместе с А. Чавчавадзе и Гр. Орбелиани — освободил от господства шестнадцатисложного шара и дал ему больше гибкости и разнообразия. Наконец, продолжив и расширив дело, начатое Давидом Гурамишвили, он своей философской лирикой опроверг предвзятую, что стихи ишутся или исключительно для выражения любовных восторгов и страданий или для улаживания спора пирующих.

У Бараташвили, порывавший с наиболее устарелыми и выхолащенными пережитками предшествующей ему поэзии, является хранителем более устойчивых элементов литературного наследия. Его интерес к философским и этическим проблемам и своеобразно диалектический подход к их разрешению объясняются не только складом ума, но и влиянием вековых национальных традиций. Древнегреческая философия, в частности идеи Платона и Аристотеля, правда, не в первоначальном, а в измененном виде, в измененном виде, продолжали оказывать влияние на Н. Бараташвили и его современников, как они в предыдущие века — еще в большей степени — влияли на всю грузинскую культуру.

Читая его «Раздумье на берегу Куры», можно подумать, что слышишь отголоски мрачных сентенций Экзюпери. Жизнь — одна лишь тень, и суета суется, не имеет бытия — один лишь быстротечный миг. Но несмотря на это, человек должен выслушать голосу порождения его стихий, не превращаться в жирую

Читая его «Раздумье на берегу Куры», можно подумать, что слышишь отголоски мрачных сентенций Экзюпери. Жизнь — одна лишь тень, и суета суется, не имеет бытия — один лишь быстротечный миг. Но несмотря на это, человек должен выслушать голосу порождения его стихий, не превращаться в жирую

СЕРДЦЕ И ДОЛГ

С. ШЕРВИНСКИЙ
совершившегося эстетического поворота. Этот поворот был естественным следствием приобщения Грузии к русской литературе и через нее — к литературе европейского Запада.

Замечательно, что при этом Бараташвили не стал подражателем. Его высокое, прозрачное дарование позволило ему остаться самостоятельным.

Однако Бараташвили во многом действительно перекликается с Лермонтовым. Неудовольство миром, жизнью, в которой многое так непохоже на то, что проносится в бескомпромиссной романтической мечте, тяга из томительного земного плена, всегда возвышающаяся любовь, сосредоточенная тревога о своем месте в жизни, голод «слово духа», отравляющий тленным сомнением интеллектуальную душу — все это роднит обоих поэтов. Оба в свою очередь резонуют на общие настроения, владевшие сердцами тех, кого принято объединять под именем «романтиков».

Читая Бараташвили, испытываешь редкое по своей остроте чувство. Между сердцем поэта и его словом — нет посредничества ступеней. Между его слезом и читателем — нет никаких преград.

Плохая душа, прямо выражающее себя сердце — вот поэзия Бараташвили. Раздмичивость, чистота высших мыслей, печаль о людях, безнадёжность, под которой упрямо тлеет светлая надежда, — все это вытекает из прозрачного душевного источника, не превращаясь ни в прямые философские концепции, ни даже в философские символы.

Однако, сетя на мир или устремляясь в недоступное, вещь искрещает свою синевую небу, поэт не отвращается от жизни. Наоборот! Он ценит жизнь, он не замыка-

ется в бесплодный, душевный индивидуалистический круг. Он упрямо ищет своего места на земном поприще; его юная мысль мучительно пытается найти свой путь, достойно ответить «Тантенистному» голосу, неустанно повторяющему:

О, юнона, уезд свой нахоти...
Быть может, есть достойный вперед...

Долг человека — в понимании Бараташвили — жить для людей.

И однако, все мы — люди, миром рождены мы, Мы должны идти за миром, он — отец родный.

И в грядущем пред мом сердцем лежит он уже знойной торной...
И скажу промчт его безостановочно...

Высказанное в этих строках поощение к «трудолюбивому» акценту для нас всю широту души Бараташвили, скорбющего, разочарованного, но исполненного самоверности истинного гуманиста. В этом разрезе Бараташвили — предшественник таких писателей, как Илья Чавчавадзе или Акакий Кертели. Такое живое ощущение еще одной стороной сближает великого грузинского поэта с лучшими деятелями-гуманистами нашего отечества. Редкий дншавичный поэт может, сохранив свою самобытность, оказаться столь близким русскому восприятию.

Николай БАРАТАШВИЛИ

Нетевана

Шумит и пенится сердито
И быстро катится река
Устами берега покрыты
И зарослями тростника.

Кто это, голову грустно понуря,
Смотрит с обрыва в волнорот?
Перебрав струны чоугури,
Девушка в белом громко поет.

«Насытишься ли ты, злоречье?
Не насмеяйся, не язык
Над каждым мимом нашей встречи
Из зависти к моей любви.

Зачем, поверив лжи бесстыдной,
Ты до того, мой друг, дошел,
Что преданости очевидной
Ты гоюло злобы предпочел?

Зачем не изучил заранее
Мой образ мыслей, сердце, нрав,
Зачем мне расточил признанья,
Чтобы убить, избаловав?

Зачем согнул мою гордыню,
На мою сердце мне обрел?
Зачем бесплодным пустыни
Дохла на юности цветов?

Я верую, моя колючка —
Переясенье в мир любви,
Уверенннсь, как я невинна,
Ты там и встретишься со мной».

Она умогла. И нежданно
В словах, затихших над волн-г
Узнала голос Нетеваны
Чарующий и неземной.

Шорох паленья скоро разнесся,
Страшнй и неотартиный удар,
Девушка бросилась в воду с утеса,
Крикнув пред смертью из воли:

«Амилбар!»
Перевел В. ПАСТЕРНАК

Зачем, тебе созданный,
Чернокожая жена!
Чаровница с тихой речью!
Ты и солнце, и луна!

Жду тебя, тобой живу я,
Твоя верный падаю,
Не губи меня, о, скажись!
У я матери оди!

Вот я — труженик и странник,
Счастья в мире не стяжал,
Мне подругой — эта бурка,
Побранимой мне — княжка.

Что богатства все? Довольно
Мне и сердца твоего.
Где сокровище найдется
Драгоценнее его?

Симон ЧИКОВАНИ
Николай Бараташвили

мывал след полуденного жара,
О камни бьется в сумраке Кура,
Склонилась над водой вода
чйнара,

Поникли ветви в брызгах серебра.
Я шел к тебе. И ночь стихом дохла,
И тень твою покрыла берега,
Твоя строфа в струях Куры мелькнула,
Как девичья бестаящая сырва.

Здесь, на Мтацминде, ты встречала закаты,
Всплывая в стнх как изумруд в колоде,
И одиночество, и боль утраты,
И Кетеваны тонкое лицо.

В твоём стихе печальный звук чоугури,
И ропот рек, и горечь дум слышна,
И крылья шум, подобно шуму бури,
Кони Мерани, скачущего ввысь.

Быть может, голос древнего героя
Позвал тебя из глубины веков,
Из мглы времен, разбуженных тобою,
И сердце вздрогнуло, почуя зов.

О, сердце, сердце! Пенел дней бесплодных...
Не для того ль от тайного огня
Сгорала жизнь, что в тьме ночей
холодных

Ты видел взлет крылатого коня?
И Грузия твой голос полюбила,
И за тобою лия Кура, как тень,
И звезды провожали Автандила,
Пока с Востока не забрежит день.

И Автандил спешил тебе на встречу,
В движении звезд угадывая путь,
Чтоб исцелить израненные плечи,
Отвагу рыцаря в тебя вдохнуть.

Кровь война в тебе заговорила,
Неукротимый, ты воспел простор.
Теперь земля Мтацминды приятелиа
Певца и странника под сенью гор.

И вот ты спишь. Пришла пора покоя,
Ты отдохнешь в тени чинар густых,
Свет мудрости пляшет над головою,
А вечный голос навсегда затих.

Ты спишь. Но нет. Не может быть! Послушай!
Не может тот, кто мчался на коме,
Отдать могиле солнечную душу
И шум Арагвы позабыть во сне.

Твой стих пронесся по горам в тумане,
Вставая перед жизнью на дыбы,
Я слышу свист и шелест крыл Мерани,
Гул вечности. Дыхание судьбы.

Не умер ты. Твой стих не умирает.
И вижу я: Мерани вновь летит,
Кура тревожным всплеском повторяет
С Мтацминды долетевший зной копыт.

Теперь поэта ждет судьба иная:
Взлетит по кручам в отсчетах зарни,
И, стих задранный чашей поднимая,
О Грузии свободной говори.

Умолк давно твой ворон, вестник
скорбный,
Взгляни вокруг! Преград полету нет!
Цветет земля. Промчишь, промчишь
тропуго горной,
И на Мтацминде встретишь нас расвет!

Перевела Нина ПОЗНАНСКАЯ

В СПОРАХ О ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Напечатанная в «Литературной газете» статья Г. Гукковского «Заметки историка литературы» (№ 1) № 39) вызвала оживленные отклики на литературоведов Ленинграда. Для обсуждения вопросов, затронутых в этой статье, ленинградские литературоведы, по приглашению президиума ЛенССП, Института литературы Академии наук СССР и «Литературной газеты», собрались в Доме писателя им. Маяковского.

Беседа, превратившаяся в интересный и серьезный разговор о проблемах, стоящих перед советским литературоведением, начал Б. Эйхенбаум, зачитавший свою статью «Надо договориться», которая публикуется в сегодняшнем номере «Л. Г.».

Таким образом, как заметил В. Десницкий, участники собрания имели возможность в своих высказываниях откликнуться от двух во многом спорных статей.

По мнению Л. Плоткина, в «Заметках историка литературы» больше проблемы, представшие сегодня перед литературоведением, сведены к вопросу: над какими жанрами предпочтительно работать литературоведам? Говорить же надо о более широком представительстве тех или иных литературных фактов и явлений. Л. Плоткин напомнил датем, что в то время, как у нас сложилась традиция в изучении литературы прошлого, литературоведы пока что сделали очень мало для изучения советской литературы.

Считая бесспорными утверждения, что важнейшей задачей советского литературоведения является создание монографий, больших и серьезных исследований. Л. Плоткин, однако, не соглашается с тем, что эта область науки является неким «белым пятном». Он перечисляет ряд работ, в том числе книги Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы», вновь написанные советскими литературоведами монографии о Лермонтове, Беллинском, Крылове, Писареве, Писемском и т. д. Все эти законченные работы, как и составленный недавно издательский план Академии наук СССР, позволяют более оптимистически относиться к положению вещей.

В работе литературоведов, — считает Б. Мейлах, — отсутствует еще обязательная для науки специализация: нередко исчезает грань между изучением истории литературы и истории других областей общественной мысли. Было бы гораздо интереснее поговорить о том, как писать, чем о том, что писать. Почему-то, — продолжает Б. Мейлах, — у нас установился однообразная схема рядового литературоведческого исследования, делающая одну работу похожей на другую. Литературоведы все еще недостаточно используют богатую теоретическую базу для создания полноводной науки о литературе. Нередко при ограниченных исследованиях высказываются классиков марксизма-ленинизма о литературе, вместо того чтобы двигаться вперед науку, исходя из теоретических положений марксизма-ленинизма. Следует обратить внимание и на разработку такой совершенно заброшенной области науки о литературе, как психология творчества, без которой невозможно глубокое раскрытие богатства литературы.

В широкой публикации трудов литературоведов В. Журиновский видит важнейшее условие дальнейшего роста советского литературоведения. Несомненно, что важны и нужны коллективные работы ученых над изданиями вроде «Истории русской литературы», но наука о литературе остро нуждается в большем числе индивидуальных монографий и исследований.

Пожалуй, в числе наиболее спорных высказываний, прозвучавших на собрании в Доме писателя, следует отметить ту часть выступления В. Журиновского, в которой противопоставляются задачи литературоведения и критики.

Возвращаясь к общему смыслу статьи Г. Гукковского, В. Алмони замечает, что смысл этот заключается в справедливом утверждении, что работа огромного масштаба, выполняемая литературоведами, редко совершается ими в полной мере. Далее, касаясь роли литературоведения в современной литературной жизни, В. Алмони отмечает большое значение литературоведческой науки в изучении творчества писателей-современников. Это положение, связанное с определением места литературоведа в творческой жизни Союза писателей, развито затем и В. Орлов, рассказавший об интересном замысле группы ленинградских литературоведов поставить в порядок дня ряд тем, одинаково интересных для литературоведов и писателей.

Таково в кратких словах содержание разговора ленинградских литературоведов. Нельзя не согласиться с мнением М. Азодковского: какие бы критические замечания ни вызывала у тех или иных товарищей статья Г. Гукковского, эта статья заставила литературоведов поговорить о вопросах, волнующих каждого.

Б. ЭЙХЕНБАУМ НАДО ДОГОВОРИТЬСЯ

Вопрос о нашем литературоведении и нашей критике стал сейчас для злободневным. О нем говорят и в журналах, и в научных институтах, и в издательствах, и в вузах, и на писательских собраниях, и в частных беседах. Заговорила о нем и «Литературная газета». Это очень хорошо и надо только позаботиться, чтобы обсуждение этого важного вопроса не превратилось в бесплодное говорение. Надо помнить, что вопрос этот выдвинут самой жизнью в связи с новыми задачами нашей культуры в целом.

Нынешнее состояние литературоведения осознается самими литературоведами, как не соответствующее задачам нашего времени, как неполноценное. Тем самым это состояние уже нельзя назвать нынешним: в сознании самих литературоведов и критиков (а иной раз и в их работах) есть уже представление о новой стадии, в которую должно вступить сейчас наша наука. Речь идет, таким образом, не о том, что наши литературоведы и критики о чем-то забыли или чего-то не поняли, или над чем-то не задумались, и что поэтому их надо срочно просветить на этот счет, а совсем о другом: нам надо договориться о некоторых принципиальных и о вытекающих отсюда организационных мерах.

Статья Гр. Гукковского очень симптоматична и даже показательна, но не более того. Она, к сожалению, принадлежит к категории «защитной речи» в данном случае совершенно изжившей и искажающей действительное положение. Например: «Мы, историки литературы, — пишет Гукковский, — слишком часто вели свою работу кабинетно или, в лучшем случае, кружковом». Не видел я что-то за последние годы ни этих кабинетов, ни этих кружков — наоборот: мы работали с большим шумом, в шумные, в шумные дни, в шумные дни. Мы работали в шум, не задумываясь над тем, каков этот шум, какова его устремленность нашей работе» и т. д. Странно: кабинетно — не задумываясь, где же заведывал у нас такие легкомысленные и мало симпатичные литературоведы? Я что-то не встречал их. Наоборот: все обозначено именно итогами, целями и вопросом о жизненной необходимости нашей науки.

Статья Гукковского написана отчасти в тоне исповеди, а отчасти, наоборот, в духе проповеди, с обильным научным терминологическим аппаратом. Вместе с тем с довольно элементарными изречениями, вроде того, что «без работы нет полноценной личности, или что «без истории нет смысла частному событию или личности, и что художественное произведение, писатель и литературное направление суть «идеальности», единства, вполне реальное и конкретное». Такого рода истины ведомы каждому литературоведу, и не в них вопрос. Однако один из этих афоризмов приложим к статье самого Гукковского, поскольку она написана в явном противоречии с ним: «Без общей истории нет смысла частного события». Это бесспорно вообще и, в частности, в отношении к вопросу о нашем литературоведении; а Гукковский рассуждает так, как будто нынешнее состояние нашей науки зависит от каких-то профессиональных, психологических и организационных нечеловеков — от того, что некоторые «мы» о чем-то забыли, или над чем-то не задумались, или работали недостаточно правильно, в шум, но он впадает далее в административный тон: «Работа в 1945 году так, как мы работали за предвоенные годы, уже «ельза», — заявляет он. Что значит это странное «ельза»? Разве мы работали плохо и теперь нам нужно опомниться и постыдиться? Нисколько. Всякому ясно, что после войны мы вступили в новую стадию, а новую эпоху для всей науки в целом и в частности для литературы отошла в прошлое. Весь вопрос в том, чтобы верно осознать эту новую историческую ступень, чтобы не оказаться вне «общей истории», чтобы добиться полноценности.

Гукковский думает, что для полного успеха нам не хватает, главным образом, «плановости»: «повернуть науку лицом к «интерным проблемам» и «договориться о плане исследований, о плане серии капитальных трудов, посвященных отдельным писателям, эпохам, «стилям», общим концепциям развития русской литературы и литературы вообще» — таковы его советы. Стоит это сделать (и сделать это можно, как думает Гукковский, при помощи административных и организационных мер) — и статья печатается в порядке обсуждения.

Статья печатается в порядке обсуждения. См. № 38 ст. Гр. Гукковского «Заметки историка литературы».

Рисунок художника Б. Берендгофа к «Стихотворениям в прозе» И. Тургенева (Детгиз).

В. СТАМБУЛОВ Горький смех

Перед нами несколько номеров еженедельника «Ле катар ашнен» («Скованная утка»). Эта газета составляет эпоху в истории современной французской прессы. Она — один из выдающихся столпов «двухсот семейств» — де Ванделье, снабжающих Германию сталью и активно сотрудничавших с гитлеровцами, привлекает к суду патристические газеты. Вернулся из Америки Шотан — одна из самых злобных фигур довоенной Франции. Бежавшие от немцев, покинула на призыв судьбы своих солдат в луже «лаш» Макинго, генералы и офицеры отрицают от нафталины свои залежавшиеся парадные мундиры и вытесняют с командных постов в армии тех, кто действительно сражался за Францию. Они, оказывается, прекрасно знают, что делают, прекрасно знают, что делают, прекрасно знают, что делают. Они, оказывается, прекрасно знают, что делают, прекрасно знают, что делают. Они, оказывается, прекрасно знают, что делают, прекрасно знают, что делают.

Страна сбросила с себя ярмо чужеземцев. Ни в Париже, ни в Вилли нет больше гитлеровских гаулейтеров и застенков гестапо. Но как далеко нынешнее положение от того, о чем мечтали, проливая кровь за освобождение родины, лучшие сыны французского народа, беззаветно сражались патриоты «маки». Недаром «Анастасия» продолжает оставаться белым пятном на страницах «Скованной утки».

все пойдет прекрасно: «Есть и люди, есть и мысли, есть и материал», — говорит он бодро в заключение. Повернуть и заплюнуть — вот и все.

Мне думается, что на самом деле все это гораздо сложнее и тоньше. Ведь сами по себе эти «интергалые проблемы» не существуют, как не существует сама по себе и литературная наука. Их постановка возникает из научной работы, из выработанного материала из самой действительности. К этим проблемам нельзя встать ни лицом ни спиной. Другое дело, что самый уровень науки может понизиться, так что проблемы эти не станут заново, а как бы считаясь раз навсегда разрешенными. Также явления в истории нашего литературоведения предвоенных лет иногда наблюдались, особенно в пору расцвета вульгарно-социологических теорий. В таком случае дело не в этих «интергалых проблемах» самих по себе, а именно в их новой постановке. А для этого необходимо прежде всего обратиться к теоретическим основам нашей науки — к тем ее основам, которые связывают литературоведение с философией (эстетикой), с искусствоведением, с лингвистикой.

Если же мы не сможем «свернуть» научную работу, то прежде всего в эту сторону. Новое решение всех «интергалых проблем» (стиль, направление и пр.) зависит от того, как понимать художественное мышление и его продукт. Вульгарно-социологический метод трактовал художественное творчество, как процесс пассивный, ничего специфического в себе не содержащий. От такого понимания наше литературоведение отшло, но никакие новые работы, обоснованные марксистско-ленинской теорией культуры и идеологии, не появились. Теперь для этого наступила пора, но сделать это не так просто. Это требует и сил и времени и многих других условий.

Что касается вопроса о «плановости», мне кажется, что мы пока еще не нашли достаточно гибких и вместе с тем действительных, принципиально правильных форм планирования научной работы. Сравнительно просто и легко планировать труд — гораздо труднее планировать творчество. Там, где труд играет основную и решающую роль, там планирование — блуждание — не удается. Таково, например, положение в коллективных работах по истории литературы и критике в наших институтах. Это очень важное для педагогических целей дело, но это не исследование, а в полном смысле слова «труд» — подведение научных итогов. В них нет и не должно быть ни особой оригинальности, ни чрезмерной новизны, ни тем более спорных положений, — они во всяком случае нежелательны. Природа научно-исследовательской работы совсем иная: она связана и с преодолением неосознанных трудностей, и с длительными размышлениями и поисками, и с ростом темы или ее изменением, и с целым рядом других процессов, неизбежно сопровождающих человека на пути научного творчества.

Метод планирования такого рода работ должен, видимо, отличаться от метода, применимого к работам по социальному или научно-популярному жанру, но совсем не в том направлении, о каком говорит Гукковский. Во всяком случае вопрос этот требует специального и очень серьезного обсуждения.

Я согласен с тем, что литературоведение должно сейчас сблизиться с критикой и с современной литературой. Их разобщение вредно отзывается особенно на критике, которая за последние годы явно обеднела мыслью. За это дело должен встать Союз писателей, но оно тоже не простое. Тут тоже надо и договориться и договорить не только об организационной, но и о принципиальной стороне дела. Если области литературоведения по своей природе очень далеко отстоят от критики. Проще говоря: все ли литературоведы могут и должны быть членами Союза писателей? Это остается неясным, а между тем, это один из очередных вопросов.

Необходимо, наконец, приложить все усилия, чтобы скорее добиться выхода в печать литературоведческих работ — книг и статей. У каждого из нас лежат в столах рукописи, своевременно появившиеся в печати работы бы нам договориться и договорить поразно легче, чем печатные дискуссии без печатных работ, вступлению. Кажется, что человек замолчал, забыл, не задумался, не понял и отвернулся от «интергалых проблем», а у него написано 25—30 печатных листов, в которых он обо всем подумал и обо всем говорил, вплоть до этих проблем. Людей, правда, мало, времени тоже мало, но мысли и материал есть.

По страницам французского сатирического еженедельника «Скованная утка»

Виллиши быстро набирает храбрости. Красная Армия вела еще бои в Берлине, а в некоторых французских кругах выражалась уже ныне открыто оспалыми на поверхности идея «западного блока». Вот маленькая цитата из статьи «Нафталиновый заговор» редактора Пьера Бенара:

«В одном военном клубе два офицера определяли новую миссию Франции: захватить западную цивилизацию.

Как будто западная цивилизация не одержала своей первой победы в Сталинграде. Уже все забыто. И мы видим, как перед Млэнским и Толбухиным в запахе победы внезапно встает неслепый, непримиримый и сметворный солдат маршала Нафталия. Жан, вы здорово посмеетесь.

Жану, действительно, есть над чем посмеяться горьким, жеманным слухом Словакия против захватчиков. Выдающийся человек, что ему будет дано, наконец, право свободно выводить свою волю, установить в стране режим полудемократии. Но предложенные ему «реформы» и сама система выборов вызвали уже зловещий протест. Трено в переделе «Скованной утки» зло вымучивает «новые реформы». «Словом, действительно, принадлежит самому народу. Он сам решил 14 октября, под каким соусом он желает быть «свободным». В полном суверенитете он выберет между бувайсом или соусом «деятельного террора», т. е. между кухней Третьей республики и столовой высшего общества... Мы ждем нового и мы продолжаем жить под временным режимом с министрами, ответственными перед бог-отцом, и бог-отцом, ответственными перед самим собой. Саперт, твои ассамблеи, которая будет иметь такую же власть, как и нынешняя Конституционная ассамблея. В самом деле, пора покончить с этой неустойчивостью министерств, являющейся явной нашей республикой, где парламент — несмысленная вещь — имел право свергать правительство. В предлагаемой системе правительство сможет свергать парламент. Это просто, но надо было до этого додуматься.»

Иллюстрации художника Е. Кибрика к повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» (Детгиз).

О взглядах Маяковского на искусство

В № 4 журнала «Знамя» напечатана статья Илья Сельвинского о книге В. Катаная «Маяковский».

Книга Катаная, о которой сам автор статьи говорит, что это «справочник — ничего больше», побудила И. Сельвинского высказать свои взгляды на сущность и характер литературной деятельности Маяковского.

В самом начале статьи Илья Сельвинский пишет: «Владимир Маяковский — это первый лирик страны, с огромной полнотой выразивший в своем творчестве все, а в себе — героя нашей эпохи, человека, все помислы которого, все стремления и действия, как стрела, летящая в цель, направлены на строительство социализма.»

Но оказывается: «В этом своем качестве Маяковский выше своих стихов, выше своей теории искусства, выше своей биографии трибуна.»

Сельвинского не смущает противоречивость этого заявления, где одно утверждение исключается другим. И получается так, что, хочет или не хочет того Сельвинский, Маяковский, о роли великого поэта революционной истории литературы.

Особенно наглядно это обнаруживается в той части, где говорится об эстетических воззрениях Маяковского, о его теории искусства.

Главным и самым характерным для эстетических взглядов Маяковского автор статьи считает стремление Маяковского «вливать своим искусством жинестроение. Это, верно, хот Маяковский редко употреблял такой термин и гораздо чаще говорил о «стихах» и в статьях, и в выступлениях — о том, что смотрит на поэзию, как на оружие борьбы за социализм.

Но можно ли согласиться с утверждением Сельвинского, будто бы «жидка превращения искусства в жинестроение овладела Маяковский с такой силой, что он уже не чувствовал, как начинает переходить за пределы самого искусства?»

На чем же основано это странное суждение? Сельвинский пишет: «Еще в 1921 г. в лекции «О современной поэзии» в Ленинграде Маяковский утверждал следующие положения: «Главное — не в создании произведений, а в тенденции». Перевод работы из искусства в жизнь». Через год он объявил: «Искусство застывает, когда оно, «изначло». Еще через год говорил о «сращении искусства с производством, как необходимом факторе индустриализации страны». И это не было для него словами. Маяковский заявил, что рекламирование продукции Моссельпрома — это высокая и революционная поэзия.»

А. КОЛОСКОВ

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

«...Я говорил и писал о непосредственном внедрении в производство... Я считаю, что нужно с производственниками по крайней мере совместно работать, а если не это, то нужно другое участие во всей будничной работе цеха. Я понимаю эту работу так: чтобы выполнялся лозунг — советь руки в машину, чтоб выполнялись мероприятия, направленные к тому, чтобы электроток не разбрызгивал, чтобы не шевелил стемнку, чтобы не получить удара молотком. Я своим пером, своим рифмами к этому призываю, и это не менее важно, чем самые адхонвенные темы волосатых лириков». И Маяковский делал это. Сельвинский прав: у Маяковского слово не расходилось с делом. И действительно, Маяковский писал об этой своей работе поэта-агитатора, пропагандиста, производственника:

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Восемь лет продолжалась война в Китае. Все китайские писатели — кто пером, кто оружием, — приняли в ней активное участие. Эти восемь лет можно разделить на два периода: 1937—1940 гг. и с 1941 г. по 1945 г.

На первом этапе войны на нашу родину обрушились невиданный доселе бедствия. Подавляющее большинство писателей и образованной молодежи стало добровольно принимать участие в военной работе: одни организовывали бригады по обслуживанию войсковых частей, отправлялись на фронт, другие создали театральные и агитационные бригады для работы среди крестьянства, мобилизав китайский народ на участие в войне за спасение отечества.

До войны среди китайских писателей отсутствовало единство, имелось множество группировок и направлений. Теперь, писатели сплотились в крепкие организации, вроде «Союза представителей культурных кругов по оказанию помощи фронту», «Театрального общества содействия фронту», «Союза работников язычных искусств по оказанию помощи фронту». Организации эти объединили свои усилия для совместной борьбы против японского милитаризма. Особенно активны были поэты, которые вместе с композиторами совершили многочисленные поездки на фронт. Военные песни, созданные ими, проникли во все уголки страны. Исключительное распространение получили краткие очерки, рассказы, фронтовые корреспонденции, одиночные песни. Широко также использовались старинные народные формы творчества.

После 1941 года, на втором этапе войны, обстановка существенно образом изменилась.

На фронтах наступил период затишья, т. е. районы переживали последствия тяжелой блокады, неминуемо увеличилась материальная трудность. Основным составом китайских писателей теперь переместились в такие крупные города, как Чунцин, Гуйлинь, Чэнду и Куньмин. У части писателей появились оптимистические настроения, некоторые словно погрузились в оцепенение, обратились к созерцанию природы.

В 1941—1942 гг. активность проявили драматурги, пишавшие большое количество многоактных пьес, исполнение которых обогато занимало не менее пяти часов. Пьесы пользовались успехом у зрителей, и часто бывало, что после окончания представления зрителя, ввиду позднего времени, не расходясь по домам, а оставались ночевать в театре.

Большим успехом пользовались и переводные пьесы: «Гроза» Островского, «Ревизор» Гоголя, «Вишневый сад» Чехова, «Морда» венгерского писателя Бела Балаша, «Гамлет», «Ромео и Джульетта» и т. д.

Самое содержание литературных произведений стало иным. В творчестве наших писателей в этот период в основном наметились две тематические линии: обращение к истории и описанию упадка и разрушения старой китайской семьи. Изменилась и форма литературных произведений: стали появляться романы, стихотворный эпос, многоактные пьесы.

Особенно характерным для китайской драматургии было обращение к сюжетам историческим. Я сам в 1941 и 1942 годах написал шесть исторических драм: «Цветок жасмина», «Цюй Юань», «Тигровый мандат», «Медный купорос» и др.

Больше всего я люблю черпать сюжеты из эпохи Чжаньго — «Воюющих царств». Эта эпоха в истории Китая знаменательна тем, что на нее падает кульминационный момент борьбы феодального строя с рабовладельческим.

Многие писатели любят обращаться к периоду «тайнин тьянго» (небесного государства тайнин). На этой теме основаны драмы Ян Хань-шэна — «История небесного

государства», «Смерть Ли Сюэ-чэна», драма Сюань Юй-шэна «Преданный князь Ли Сюэ-чэн», драма Чэн Бо-чэна «Шань Да-кэй». Все эти пьесы встретили одобрение публики.

Некоторые драматурги написали пьесы на темы последних лет существования Сунской и Минской династий, основанные на легендах повествовающих о борьбе народных героев с иноземными захватчиками. Некоторые драматурги использовали тему японско-китайской войны 1894 г.

Все сказанное об использовании китайскими писателями исторических тем относится лишь к области драматургии. Я не встречал ни одного романа или повести на историческую тему.

Драматурги, разрабатывавшие исторические темы, прибегали к исторической аналогии. Они старались найти в исторических образах современность, связать исторические персонажи с современной жизнью, показать связь событий прошлого с сегодняшними проблемами.

Китайские писатели, которые обращаются к описанию старой китайской семьи, на примере этой семьи стремятся показать современное общество. В условиях пережитого периода, переживаемого сейчас Китаем, феодально-патриархальная китайская семья все больше и больше приходит в упадок, внутри нее появляются новые силы, идет борьба нового со старым, света с тьмой. Борьба принимает ту форму трагедии, ту форму комедии, то носит трагико-комедийный характер.

Известные китайские писатели, вроде Мао Дуна, Люо Шао, Ба Цзиня и др., в своих рассказах и повестях часто описывают китайскую семью.

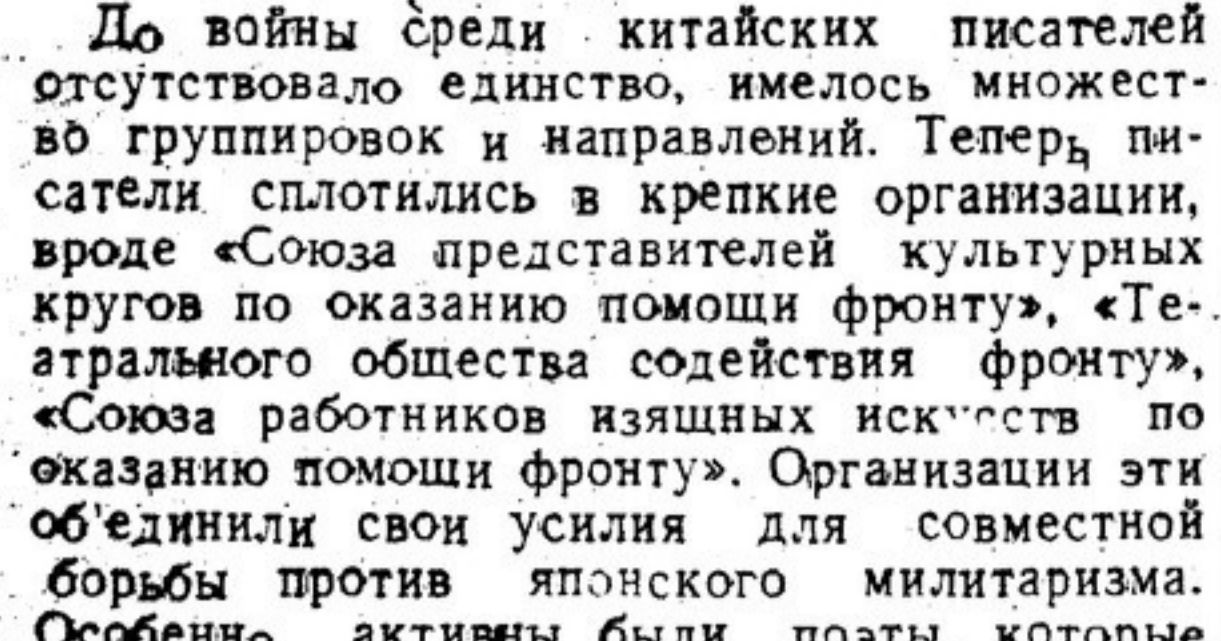
На втором этапе войны писатели почти полностью отошли от использования старинных народных форм творчества. Однако недавно после того, как в Яньани был организован лагерь: «Литературные произведения должны быть рассчитаны на рабочих, крестьян и солдат, они должны пользоваться любовью и популярностью среди народа» — эти формы с невиданным доселе успехом возрождаются.

Яньаньские писатели соревновались между собой в создании произведений народного жанра «Янгу» («Посевные песни», «Янгу» — своеобразная короткая народная песенка, широко распространенная среди крестьян Северного Китая, фабула этих оперет весьма проста и в большинстве случаев основана на бытовой тематике. Артисты танцуют и поют, подражая народным песням и танцам. Современные писатели наполняют эту старинную форму новым содержанием. Известный поэт Ай Шэн создал большую труппу артистов жанра «Янгу», насчитывавшую около 300 человек, которая дает представления в Яньани и в других городах.

Есть один вопрос, о котором я не хотел бы умолчать: это — трудности жизни китайского писателя, его бедствия. Писатель — самая низкоквалифицированная категория трудящихся в Китае. Бедность китайского писателя не поддается никаким описаниям. Многие известные китайские писатели умерли от болезни и нищеты.

Но дух китайских писателей не угас, их воля не сломлена испытаниями судьбы. Они попрежнему на своих боевых постах, трудятся во имя создания новой литературы для народа и во имя нового демократического Китая.

Они также ведут огромную переводческую работу. Ими переведено много произведений советской литературы периода Отечественной войны: «Русские люди» Симонова, «Падение Парижа» Эренбурга, «Наши» Леонова, «Фронт» Корнейчука, «Радуга» Васильевской, «Русская повесть» Павленко, «Народ бессмертен» Гроссмана, «Они сражались за Родину» Шолохова и др. «Русские люди» и «Народ бессмертен» были опубликованы в трех различных переводах.

Гослитиздат готовит к печати книгу избранных стихов эстонской писательницы Л. Койдула, которые выходят впервые на русском языке. Стихи перевел В. Замохавская, А. Чукетков и З. Шишова. На снимке — Лидия Койдула (гравюра И. Неудлимова).

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Новая пьеса К. Симонова

Заседание президиума Союза советских писателей СССР 2 октября было посвящено обсуждению новой пьесы К. Симонова «Это было в Праге». Действие ее происходит в столице Чехословакии. События пьесы развиваются в доме старого чешского доктора в дни пражского восстания и прихода Красной Армии. Герои пьесы — чехи и представители русского народа, советские парашютисты. Война, потрясения которой сказались во всем мире, изменение психологии людей, отношение к Советскому Союзу, к русским, взаимосвязь советской страны и зарубежных демократических государств — все это находит свое отражение в пьесе К. Симонова.

Участники обсуждения — В. Кожеников, А. Тарасков, И. Астахов, Д. Поликарпов, Л. Субоцкий, Р. Ромашов, К. Федин, В. Катаев, А. Антоновская, А. Лейтес, С. Бирман, Н. Тихонов дали весьма положительную оценку, отметив отдельные ее недостатки.

Работы русских писателей Туркмении

Национальная комиссия ССР обсуждала на днях работы русских писателей, живущих в Туркмении, — прозаика А. Аборского и поэта-переводчика Г. Веселюка. Совещание открыл П. Скокряев.

Выступавшие отметили, что Г. Веселюк и Аборский активно содействовали пропаганде туркменской литературы в советской печати, однако в их работе еще много серьезных недостатков.

Содержание большинства рассказов А. Аборского, — сказал А. Каршев, — составляет великая идея дружбы народов. Рассказ «На похоронах» — несомненная художественная удача автора. Рассматривая другие рассказы А. Аборского, А. Каршев отметил слабость их сюжетов, несовершенство в обрисовке характеров.

В. Козин, критикуя переводы туркменской прозы, опубликованные А. Аборским, указал на их штампованный язык, отсутствие национального колорита.

Л. Пенсковский отметил удачу в переводах классической и современной туркменской литературы, сделанных Г. Веселюком, и подробно остановился на недостатках некоторых из них, обратив внимание на несоответствие их поэтической форме приемам восточной поэзии.

В обсуждении приняли также участие М. Тарловский, В. Бугаевский, Ю. Олеша и П. Слетов.

„Вожак санитарной упряжки“

Так называется новая повесть для детей Евгения Коккина (Андреевича), обсуждение которой состоялось 6 октября в областной комиссии ССП СССР.

Е. Коккин — автор книги «Гарнизон маленькой крепости» повести «Вахта подруг» и «Детство в Соломбале» в своем новом произведении рассказывает маленьким читателям о том, как ребята одного дома вырастили в подарок Красной Армии щенка «Малыша», который, пройдя курс обучения в специальном питомнике, стал ездовой собакой, верным другом и помощником советских бойцов.

Участники обсуждения А. Караваева, И. Рахтанов, Л. Касилья, В. Гагина, А. Каршев, Р. Фраерман и др. отметили сюжетность повести, взвешенное отношение автора к материалу и хорошее знание его.

Повесть выйдет в Архангельском областном издательстве и Длетнзе.

Воевиза выпускает отдельную книгу главы из романа «Война и мир» Л. Толстого. Книга названа «Партизаны». Иллюстрации художника А. Кокорекина.

Краткие заметки об английской литературе

Джон Б. ПРИСТЛИ

Цель этих заметок — служить пособием для преподавателей английской литературы и студентов, пока будет получена более полная информация.

Если бы до моего приезда сюда я мог догадываться, что сведения об английской литературе здесь столь скудны, а интерес к ней так велик, я приготовил бы соответствующее сообщение. А теперь мне приходится извещать эти краткие заметки уже в Москве, урывками, пользуясь свободной минутой и не располагая никакими справочниками. Поэтому их не следует считать авторитетным источником, но я все же надеюсь, что они могут кое в чем помочь.

Прежде всего, русский читатель должен понять, что английские писатели крайне индивидуальны и не стремятся к объединению. В отличие от большинства европейских писателей они не встречаются регулярно для обсуждения своих произведений или каких-либо теоретических литературных проблем. К примеру, «Общество авторов» представляет собой просто профессиональное объединение, существующее для защиты интересов писателей, для разрешения споров с издателями и вопросов об авторском праве; оно не занимается литературой, как родом искусства.

Английские писатели, конечно, такие же художники, как писатели других стран. Они страстно интересуются своей работой, но они склонны следовать индивидуалистическим традициям английской жизни. И так как они не мыслят терминами «группа», «школы» или «стихи», трудно судить о них или об их произведениях с помощью этих терминов. Очень важно, чтобы русские студенты поняли это.

Во время войны спрос на книги всех видов необыкновенно возрос. Это объясняется многими причинами. Во-первых, время и деньги в меньшей степени могут тратиться на путешествия, спорт и т. д. Во-вторых, перестройка жизни в военное время — затежная, долгие часы, проведенные в ожидании поездов или в поездах, — многих привлекали к чтению. В-третьих, интеллектуальные запросы широких кругов населения по сравнению с довоенным уровнем значительно повысились. Больше людей захо-

БУДУЩИЕ КНИГИ

Наверное, уже в этом месяце в Ленинградском издательстве «Молодая гвардия» выйдет сборник моих стихов. Я составила его из стихов и поэм военных лет, с 1941 по 1945 год, назвав имен своей последней поэм «Твой путь», тоже включенной в книгу.

Другая моя книжка — «Говорит Ленинград», — сдана в производство в Лениздате. В годы блокады и войны мне приходилось много работать для Ленинградского радио почти во всех жанрах, но начиная с зимы 1941 года я чаще всего выступала с особыми радиосообщениями, то на острые темы текущего дня, оживленного города, то на темы морально-этические, в связи с событиями — прочувствованные, участвующие обстрелы нашего города, полное освобождение Ленинграда, возвращение в город, т. д. Эти радиовыступления почти всегда заканчивались специально для них написанными стихами, нередко выступавшими непосредственно в эфире. Мой сборник и состоит в основном из этих радиосообщений, расположенных хронологически: книжку открывает лирическое предисловие, где я рассказываю о работе Ленинградского радио в годы войны, а заканчивает очерк о Ленинграде, написанный за 68-й день моей блокады.

Сейчас я работаю над новыми лирическими стихами. Общая тема одного цикла — любовь, другой цикл начал еще в конце 1944 года во время поездки по только что освобожденному Крыму. В обоих циклах будет и Ленинград, и Севастополь, и война... Наверное, эти стихи будут естественным продолжением моей поэтической работы во время войны, — я имею при этом в виду не столько тематику,

„ЧЕРНАЯ КНИГА“

Беседа с В. Гроссманом, председателем литературной комиссии по подготовке издания „Черной книги“

Осенью прошлого года советские писатели начали работу по составлению «Черной книги» — книги о зверских издевательствах фашистов над еврейским народом, массовом убийстве евреев на временно захваченной немцами территории Советского Союза.

В настоящее время эта работа полностью закончена, и первый том «Черной книги», состоящий из 35 печатных листов, подготовлен к изданию. Книга передана издательству «Дер Эмес».

В создании очерков и в обработке материалов «Черной книги» участвовали писатели: М. Агнор, П. Антокольский, В. Гроссман, С. Головинский, В. Гроссман, А. Дерман, В. Иванов, В. Ильинский, В. Игнатов, В. Каверин, Д. Квитко, Г. Мундлин, А. Платонов, О. Савин, А. Сукцверт, Л. Сейфуллина, Р. Фраерман, И. Эренбург, М. Шапская, В. Шолоховский и др. Книга составлялась по инициативе Еврейского антифашистского комитета.

Обширный и разнообразный материал делится на несколько разделов. Первый из них составляет очерки советских писателей, написанные на основе подлинных документов. А. Сукцверт рассказывает о жизни Вильнюсского гетто, о подпольной работе, которую вели заключенные, собирая оружие и готовые к борьбе. Сукцверт дает портрет руководителя повстанческого движения, описывает партизанскую борьбу и трагический конец гетто — убийство десятков тысяч людей в мещке Понари.

В многочисленных очерках раскрывается трагедия, постигшая еврейское население в Кіеве, Львове, Одессе, Крыму, Минске, Риге, Ростове-на-Дону и во многих других больших и малых городах, мещтах, селах и деревнях нашей страны.

Среди материалов книги значительное место занимают подлинные документы — дошедшие до нас письма и дневники замученных, застенотографированных спасшихся, письма вояков Красной Армии, пришедших на родные пеналы.

На одном письме, написанном непосредственно перед казней, есть приписка девочки: «Дорогой отец! Прощай! С тобой будет смертью. Нам очень хочется жить, но пропало — не даю! Я так этой смерти боюсь, потому что малых детей бросают живыми в могилы. Прощайте навсегда. Целую тебя крепко, крепко». Фотография этого письма будет приложена к тексту.

Полон скорби спокойный и неторопливый рассказ старика Кугеля, спасшегося от смерти. Он подробно рассказывает о том, как немцы уничтожали еврейское население в мещке Смоленичи. Рассказано о походах партизан, с которыми старик прошел около тысячи километров. «Ибо всем переданым я, семидесятилетний старик, правду свидетельствую перед миром», — заканчивает он свое повествование.

Застенотографирован рассказ врача Ольги Гольдфард. Ольгу Гольдфард спасла монахиня Чубак, которая бросила монашество и уехала с ней в Польшу и Белоруссию. В рассказе Гольдфард много точных наблюдений и характеристик.

Дневник Шауляйского гетто — это летопись ужасных событий с момента возникновения гетто до трагического его конца. В тексте приводятся приказы и распоряжения фашистских палачей.

В книге публикуется также дневник девушки из Мариуполя, которая была приговорена к смертной казни, но осталась жива и выбралась из рва, куда была брошена палачами и где остались лежать ее родители, убитые немцами.

Дневник римского скульптора Риваша повествует о Римском гетто.

В специальном разделе «Черной книги» публикуются записи допросов и показаний фашистов и участников и организаторов массовых убийств.

В последний раздел «Черной книги» войдут материалы о гигантских лагерях уничтожения — Сабирбурском, Треблинском и других.

В книге помещены материалы, рассказывающие о фактах героического сопротивления обреченных. Восстание в Сабирбуре, борьба в Вильнюсском гетто, сопротивление в Минске, Каунасе и т. д. — все это свидетельствует о несгибаемой силе советских людей, об умении их сохранять свое человеческое достоинство в любых условиях.

«Черная книга» является памятником невиданных страданий, перенесенных еврейским народом в период немецко-фашистской оккупации. «Черная книга» вместе с тем — материал обвинения фашистских преступников.

Семинар для начинающих поэтов

КІЕВ. (От наш. корр.). Для занятий в семинаре начинающих поэтов, открытым при Союзе советских писателей Украины, прибыло 25 человек из Одесской, Днепровской, Ворошиловградской, Черниковской областей, от г. Киева и воинских частей. Это, главным образом, студенты вузов, инвалды Отечественной войны, рабочие, колхозники, служащие, учащиеся старших классов средней школы, бойцы Красной Армии.

Цель семинара — преподать начинающим поэтам основы марксистско-ленинской эстетики, поднать поэтическое мастерство молодежи, рассказать о творческих методах русских и украинских классиков (Пушкин, Шенченко, Фрако, Леся Украинка, Манковський), познакомить с работой украинских поэтов.

Занятиями руководит ответственный секретарь ССПУ И. Золоторский, проф. Д. Тарханов, проф. А. Стевуд, писатели и драматурги В. Соколов, М. Терещенко, Н. Ушаков, А. Белус, Л. Нойченко, Ю. Кобылецкий, С. Шаховская, Д. Корсарик.

Краткие заметки об английской литературе

В последние годы в Великобритании наблюдается необычайная активность в литературе, которая не служила в армии, писатели, которые не служили в армии, писатели, которые не служили в армии, писатели, которые не служили в армии, писатели, которые не служили в армии.

Краткие заметки об английской литературе

Цель этих заметок — служить пособием для преподавателей английской литературы и студентов, пока будет получена более полная информация.

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Гослитиздат готовит к печати книгу избранных стихов эстонской писательницы Л. Койдула, которые выходят впервые на русском языке. Стихи перевел В. Замохавская, А. Чукетков и З. Шишова. На снимке — Лидия Койдула (гравюра И. Неудлимова).

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Новая пьеса К. Симонова

Заседание президиума Союза советских писателей СССР 2 октября было посвящено обсуждению новой пьесы К. Симонова «Это было в Праге». Действие ее происходит в столице Чехословакии. События пьесы развиваются в доме старого чешского доктора в дни пражского восстания и прихода Красной Армии. Герои пьесы — чехи и представители русского народа, советские парашютисты. Война, потрясения которой сказались во всем мире, изменение психологии людей, отношение к Советскому Союзу, к русским, взаимосвязь советской страны и зарубежных демократических государств — все это находит свое отражение в пьесе К. Симонова.

Участники обсуждения — В. Кожеников, А. Тарасков, И. Астахов, Д. Поликарпов, Л. Субоцкий, Р. Ромашов, К. Федин, В. Катаев, А. Антоновская, А. Лейтес, С. Бирман, Н. Тихонов дали весьма положительную оценку, отметив отдельные ее недостатки.

Работы русских писателей Туркмении

Национальная комиссия ССР обсуждала на днях работы русских писателей, живущих в Туркмении, — прозаика А. Аборского и поэта-переводчика Г. Веселюка. Совещание открыл П. Скокряев.

Выступавшие отметили, что Г. Веселюк и Аборский активно содействовали пропаганде туркменской литературы в советской печати, однако в их работе еще много серьезных недостатков.

Содержание большинства рассказов А. Аборского, — сказал А. Каршев, — составляет великая идея дружбы народов. Рассказ «На похоронах» — несомненная художественная удача автора. Рассматривая другие рассказы А. Аборского, А. Каршев отметил слабость их сюжетов, несовершенство в обрисовке характеров.

В. Козин, критикуя переводы туркменской прозы, опубликованные А. Аборским, указал на их штампованный язык, отсутствие национального колорита.

Л. Пенсковский отметил удачу в переводах классической и современной туркменской литературы, сделанных Г. Веселюком, и подробно остановился на недостатках некоторых из них, обратив внимание на несоответствие их поэтической форме приемам восточной поэзии.

В обсуждении приняли также участие М. Тарловский, В. Бугаевский, Ю. Олеша и П. Слетов.

„Вожак санитарной упряжки“

Так называется новая повесть для детей Евгения Коккина (Андреевича), обсуждение которой состоялось 6 октября в областной комиссии ССП СССР.

Е. Коккин — автор книги «Гарнизон маленькой крепости» повести «Вахта подруг» и «Детство в Соломбале» в своем новом произведении рассказывает маленьким читателям о том, как ребята одного дома вырастили в подарок Красной Армии щенка «Малыша», который, пройдя курс обучения в специальном питомнике, стал ездовой собакой, верным другом и помощником советских бойцов.

Участники обсуждения А. Караваева, И. Рахтанов, Л. Касилья, В. Гагина, А. Каршев, Р. Фраерман и др. отметили сюжетность повести, взвешенное отношение автора к материалу и хорошее знание его.

Повесть выйдет в Архангельском областном издательстве и Длетнзе.

Воевиза выпускает отдельную книгу главы из романа «Война и мир» Л. Толстого. Книга названа «Партизаны». Иллюстрации художника А. Кокорекина.

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Гослитиздат готовит к печати книгу избранных стихов эстонской писательницы Л. Койдула, которые выходят впервые на русском языке. Стихи перевел В. Замохавская, А. Чукетков и З. Шишова. На снимке — Лидия Койдула (гравюра И. Неудлимова).

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Новая пьеса К. Симонова

Заседание президиума Союза советских писателей СССР 2 октября было посвящено обсуждению новой пьесы К. Симонова «Это было в Праге». Действие ее происходит в столице Чехословакии. События пьесы развиваются в доме старого чешского доктора в дни пражского восстания и прихода Красной Армии. Герои пьесы — чехи и представители русского народа, советские парашютисты. Война, потрясения которой сказались во всем мире, изменение психологии людей, отношение к Советскому Союзу, к русским, взаимосвязь советской страны и зарубежных демократических государств — все это находит свое отражение в пьесе К. Симонова.

Участники обсуждения — В. Кожеников, А. Тарасков, И. Астахов, Д. Поликарпов, Л. Субоцкий, Р. Ромашов, К. Федин, В. Катаев, А. Антоновская, А. Лейтес, С. Бирман, Н. Тихонов дали весьма положительную оценку, отметив отдельные ее недостатки.

Работы русских писателей Туркмении

Национальная комиссия ССР обсуждала на днях работы русских писателей, живущих в Туркмении, — прозаика А. Аборского и поэта-переводчика Г. Веселюка. Совещание открыл П. Скокряев.

Выступавшие отметили, что Г. Веселюк и Аборский активно содействовали пропаганде туркменской литературы в советской печати, однако в их работе еще много серьезных недостатков.

Содержание большинства рассказов А. Аборского, — сказал А. Каршев, — составляет великая идея дружбы народов. Рассказ «На похоронах» — несомненная художественная удача автора. Рассматривая другие рассказы А. Аборского, А. Каршев отметил слабость их сюжетов, несовершенство в обрисовке характеров.

В. Козин, критикуя переводы туркменской прозы, опубликованные А. Аборским, указал на их штампованный язык, отсутствие национального колорита.

Л. Пенсковский отметил удачу в переводах классической и современной туркменской литературы, сделанных Г. Веселюком, и подробно остановился на недостатках некоторых из них, обратив внимание на несоответствие их поэтической форме приемам восточной поэзии.

В обсуждении приняли также участие М. Тарловский, В. Бугаевский, Ю. Олеша и П. Слетов.

„Вожак санитарной упряжки“

Так называется новая повесть для детей Евгения Коккина (Андреевича), обсуждение которой состоялось 6 октября в областной комиссии ССП СССР.

Е. Коккин — автор книги «Гарнизон маленькой крепости» повести «Вахта подруг» и «Детство в Соломбале» в своем новом произведении рассказывает маленьким читателям о том, как ребята одного дома вырастили в подарок Красной Армии щенка «Малыша», который, пройдя курс обучения в специальном питомнике, стал ездовой собакой, верным другом и помощником советских бойцов.

Участники обсуждения А. Караваева, И. Рахтанов, Л. Касилья, В. Гагина, А. Каршев, Р. Фраерман и др. отметили сюжетность повести, взвешенное отношение автора к материалу и хорошее знание его.

Повесть выйдет в Архангельском областном издательстве и Длетнзе.

Воевиза выпускает отдельную книгу главы из романа «Война и мир» Л. Толстого. Книга названа «Партизаны». Иллюстрации художника А. Кокорекина.

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Гослитиздат готовит к печати книгу избранных стихов эстонской писательницы Л. Койдула, которые выходят впервые на русском языке. Стихи перевел В. Замохавская, А. Чукетков и З. Шишова. На снимке — Лидия Койдула (гравюра И. Неудлимова).

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Новая пьеса К. Симонова

Заседание президиума Союза советских писателей СССР 2 октября было посвящено обсуждению новой пьесы К. Симонова «Это было в Праге». Действие ее происходит в столице Чехословакии. События пьесы развиваются в доме старого чешского доктора в дни пражского восстания и прихода Красной Армии. Герои пьесы — чехи и представители русского народа, советские парашютисты. Война, потрясения которой сказались во всем мире, изменение психологии людей, отношение к Советскому Союзу, к русским, взаимосвязь советской страны и зарубежных демократических государств — все это находит свое отражение в пьесе К. Симонова.

Участники обсуждения — В. Кожеников, А. Тарасков, И. Астахов, Д. Поликарпов, Л. Субоцкий, Р. Ромашов, К. Федин, В. Катаев, А. Антоновская, А. Лейтес, С. Бирман, Н. Тихонов дали весьма положительную оценку, отметив отдельные ее недостатки.

Работы русских писателей Туркмении

Национальная комиссия ССР обсуждала на днях работы русских писателей, живущих в Туркмении, — прозаика А. Аборского и поэта-переводчика Г. Веселюка. Совещание открыл П. Скокряев.

Выступавшие отметили, что Г. Веселюк и Аборский активно содействовали пропаганде туркменской литературы в советской печати, однако в их работе еще много серьезных недостатков.

Содержание большинства рассказов А. Аборского, — сказал А. Каршев, — составляет великая идея дружбы народов. Рассказ «На похоронах» — несомненная художественная удача автора. Рассматривая другие рассказы А. Аборского, А. Каршев отметил слабость их сюжетов, несовершенство в обрисовке характеров.

В. Козин, критикуя переводы туркменской прозы, опубликованные А. Аборским, указал на их штампованный язык, отсутствие национального колорита.

Л. Пенсковский отметил удачу в переводах классической и современной туркменской литературы, сделанных Г. Веселюком, и подробно остановился на недостатках некоторых из них, обратив внимание на несоответствие их поэтической форме приемам восточной поэзии.

В обсуждении приняли также участие М. Тарловский, В. Бугаевский, Ю. Олеша и П. Слетов.

„Вожак санитарной упряжки“

Так называется новая повесть для детей Евгения Коккина (Андреевича), обсуждение которой состоялось 6 октября в областной комиссии ССП СССР.

Е. Коккин — автор книги «Гарнизон маленькой крепости» повести «Вахта подруг» и «Детство в Соломбале» в своем новом произведении рассказывает маленьким читателям о том, как ребята одного дома вырастили в подарок Красной Армии щенка «Малыша», который, пройдя курс обучения в специальном питомнике, стал ездовой собакой, верным другом и помощником советских бойцов.

Участники обсуждения А. Караваева, И. Рахтанов, Л. Касилья, В. Гагина, А. Каршев, Р. Фраерман и др. отметили сюжетность повести, взвешенное отношение автора к материалу и хорошее знание его.

Повесть выйдет в Архангельском областном издательстве и Длетнзе.

Воевиза выпускает отдельную книгу главы из романа «Война и мир» Л. Толстого. Книга названа «Партизаны». Иллюстрации художника А. Кокорекина.

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Гослитиздат готовит к печати книгу избранных стихов эстонской писательницы Л. Койдула, которые выходят впервые на русском языке. Стихи перевел В. Замохавская, А. Чукетков и З. Шишова. На снимке — Лидия Койдула (гравюра И. Неудлимова).

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Новая пьеса К. Симонова

Заседание президиума Союза советских писателей СССР 2 октября было посвящено обсуждению новой пьесы К. Симонова «Это было в Праге». Действие ее происходит в столице Чехословакии. События пьесы развиваются в доме старого чешского доктора в дни пражского восстания и прихода Красной Армии. Герои пьесы — чехи и представители русского народа, советские парашютисты. Война, потрясения которой сказались во всем мире, изменение психологии людей, отношение к Советскому Союзу, к русским, взаимосвязь советской страны и зарубежных демократических государств — все это находит свое отражение в пьесе К. Симонова.

Участники обсуждения — В. Кожеников, А. Тарасков, И. Астахов, Д. Поликарпов, Л. Субоцкий, Р. Ромашов, К. Федин, В. Катаев, А. Антоновская, А. Лейтес, С. Бирман, Н. Тихонов дали весьма положительную оценку, отметив отдельные ее недостатки.

Работы русских писателей Туркмении

Национальная комиссия ССР обсуждала на днях работы русских писателей, живущих в Туркмении, — прозаика А. Аборского и поэта-переводчика Г. Веселюка. Совещание открыл П. Скокряев.

Выступавшие отметили, что Г. Веселюк и Аборский активно содействовали пропаганде туркменской литературы в советской печати, однако в их работе еще много серьезных недостатков.

Содержание большинства рассказов А. Аборского, — сказал А. Каршев, — составляет великая идея дружбы народов. Рассказ «На похоронах» — несомненная художественная удача автора. Рассматривая другие рассказы А. Аборского, А. Каршев отметил слабость их сюжетов, несовершенство в обрисовке характеров.

В. Козин, критикуя переводы туркменской прозы, опубликованные А. Аборским, указал на их штампованный язык, отсутствие национального колорита.

Л. Пенсковский отметил удачу в переводах классической и современной туркменской литературы, сделанных Г. Веселюком, и подробно остановился на недостатках некоторых из них, обратив внимание на несоответствие их поэтической форме приемам восточной поэзии.

В обсуждении приняли также участие М. Тарловский, В. Бугаевский, Ю. Олеша и П. Слетов.

„Вожак санитарной упряжки“

Так называется новая повесть для детей Евгения Коккина (Андреевича), обсуждение которой состоялось 6 октября в областной комиссии ССП СССР.

Е. Коккин — автор книги «Гарнизон маленькой крепости» повести «Вахта подруг» и «Детство в Соломбале» в своем новом произведении рассказывает маленьким читателям о том, как ребята одного дома вырастили в подарок Красной Армии щенка «Малыша», который, пройдя курс обучения в специальном питомнике, стал ездовой собакой, верным другом и помощником советских бойцов.

Участники обсуждения А. Караваева, И. Рахтанов, Л. Касилья, В. Гагина, А. Каршев, Р. Фраерман и др. отметили сюжетность повести, взвешенное отношение автора к материалу и хорошее знание его.

Повесть выйдет в Архангельском областном издательстве и Длетнзе.

Воевиза выпускает отдельную книгу главы из романа «Война и мир» Л. Толстого. Книга названа «Партизаны». Иллюстрации художника А. Кокорекина.